

УДК 316. 344.2

Шаов А.А.

Адыгейский государственный университет (г. Майкоп)

ЧЕЛОВЕК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ: АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

A. Shaov

Adyghe State University (Maikop)

ECONOMIC MAN: AXIOLOGICAL DIMENSION

Аннотация. В статье рассматриваются основания возникновения и развития через средства социально-философского анализа экономической природы феномена «человека экономического». Выявлены качественные характеристики *экономической идеологии* через специфику её носителей, в том числе через экзистенциальные свойства её идеологической единицы «человека экономического». Установлены место и роль «человека экономического» в процессуальности социального бытия через социально-правовые и культурные последствия идеологической активности «человека экономического» для современной европейской культуры.

Ключевые слова: модерн, просвещение, экономоцентризм, капитализм, традиционные ценности, индивидуализм, человек экономический.

Abstract. The article considers the reasons of occurrence and development through social-philosophical analysis of the economic nature of “economic man”. The characteristics of “economic ideology” were identified through the specifics of its carriers, including the existential property of its ideological unit “economic man”. The author examines the place and role of the “economic man” in social life through social, legal and cultural consequences of his ideological activity for modern European culture.

Key words: modernism, enlightenment, economic centrism, capitalism, traditional values, individualism, economic man.

Общие положения, концептуально сформулированные модерном, обязаны своим появлением эпохе Просвещения, они обозначили «линию разрыва» между доиндустриальным порядком и современными условиями. Впоследствии в связи с накопленным богатым эмпирическим материалом ученые-футурологи к двум стадиям исторического развития – аграрной и индустриальной – добавили третью – постиндустриальную (или информационную).

Идеологи модернизации подверглись серьёзному испытанию, начав с твёрдых убеждений в истинности выбранного пути и связанным впоследствии с этим выбором разочарованием. Современность Просвещения строилась на «трёх китах» – промышленной революции (технологический уровень), секулярно-рациональном подходе (научный уровень) и экономической идеологии (экономоцентристский уровень). Что касается политического дискурса модерна, Ян Келлер заметил: «Политическая интенция теории модернизации очевидна. Она предназначена соединить формальную демократию и рыночную экономику с социальной чувствительностью, которая бы, в числе прочего, гарантировала социальное примирение (согласие)» [4]. В основе этой солидарности была вера в безусловный авторитет «экономической идеологии» как инструмента реформирования и гуманизации всего общества, что, на наш взгляд, и станет в будущем основной проблемой западноевропейской культуры.

Приоритет экономической жизни, согласно которому экономика является социальной системой и в качестве таковой должна занимать центральное место во всех сферах общественной жизни, предопределил экономическим явлениям идеологическое измерение. Дли-

тельный процесс генезиса, становления и развития *экономической идеологии* и её идеологической единицы – “человека экономического”, окончательно сформировавшегося в эпоху Просвещения, персонифицировал попытку экстраполяции новой антитрадиционалистской логики. Экономическая идеология постепенно проникла в официальную и частную жизнь и овладела господствующими над людьми интересами. Прежде чем материальный интерес и успех стали единой отличительной чертой всей европейской культуры и преобразили её во всех принципах и взаимосвязях благодаря единому духовному перевороту, в разной форме произошедшему в культуре ведущих народов Западной Европы, утвердилось новое понимание мира и человека.

В истории человеческой мысли нет избытка в характеристиках моделей человеческих типов, “человек экономический” – абстрактная антропологическая модель – зарождается в буржуазном обществе и становится для него типичной.

Медленно, но столь неудержимо повсеместно распространяющийся экономоцентризм хозяйствующего субъекта способствовал экономической интерпретации истории и связанных с нею реалий в системе человеческих связей. Часто утверждается, что желание «иметь больше», приобретательство, ориентированное на рентабельность производства в стремлении всё превратить в товар, является специфической чертой “капитализма”, возникновение которого соответствовало рационализму, логике и потребностям Нового времени. Соответственно, средневековое общество, с одной стороны, рассматривается как довольствующееся сохранением справедливого, т. е. детерминированное сословному делению дохода, с другой – хозяйственная жизнь в докапиталистическую эпоху действительно находилась под воздействием принципа покрытия витальных потребностей. Напротив, идеалу эпохи Просвещения соответствуют руководящие идеи «экономической идеологии», которым подчинена хозяйственная жизнь “человека

экономического”, поэтому абстрактная антропологическая модель (*homo oeconomicus*) предпринимателя начинает доминировать в буржуазном обществе. Более того, данный процесс способствовал ограничению морали, воплощённой в традиционных безусловных ценностях.

Просвещенческий проект уже на ранних стадиях развития стал откровенно антихристианским, заняв господствующие позиции в культуре, стал выражать претензии на то, что основой её является гуманистический универсализм. В результате сил “земного притяжения” он был низведён до состояния ультраиндивидуализма, деформировавшего все традиционные формы социальной защиты, разрушавшего религию, а вместе с ней все социальные ступени и связи, все органические отношения близости, которые, прежде всего, были отношениями солидарности и взаимопомощи. В идеологическом отношении это означает конец европейского гуманизма и переход Запада на позиции всё более откровенного секуляризма, с чем и связаны сегодня трагические последствия естественного рыночного отбора либертаристской идеологии.

Однако полное убеждение в необходимости и осчастливливающей силе эстетического, научного, экономического и правового преодоления природы в целях улучшения условий существования постепенно проникло в официальную и частную жизнь. С течением определённого времени это убеждение стало единой отличительной чертой всей европейской культуры и преобразило её во всех принципах и взаимосвязях. Благодаря единому духовному перевороту, подготовленному эпохой Возрождения и окончательно утверждённому эпохой Просвещения, охватившей всё человечество, стали возникать новые формы общественного порядка, усилилась социальная напряжённость, приведшая к катастрофам в хозяйственной и социальной жизни. Последствия рождения “человека экономического” с его стремлением к наживе устранили описания мира с позиций нравственности.

Актуализация данной модели человека для истории европейской культуры состоит, прежде всего, в том, что с её помощью политическая экономия избавилась от авторитета религиозных норм и моральной философии, став наукой, предметом которой является деятельность «человека экономического». Цель этой деятельности – развитие индивидуально-экспансионистских потенций на всех социальных уровнях для развития массовых способностей к ответственному, квалифицированному формированию решений, адекватных усложнению общественных проблем. Однако главная проблема состоит не столько в том, что массовая личность не сумела развить в себе достаточный уровень способностей формулировки и разрешения проблем соответствующей сложности, сколько в том, что у преобладающей части населения присутствует скептицизм к прошлой культурной традиции и нигилизм по отношению к живому религиозному чувству.

Исторически складывалось так, что в борьбе с религиозной традицией мыслители эпохи Просвещения постепенно вытеснили из европейской культуры неоспоримый Божественный закон, и на его место воздвигли несовершенный человеческий разум, субъективную рациональную мораль и сомнительную и непредсказуемую концепцию социального прогресса, выразителем которой стали классические политические идеологии. Сегодня это разные модификации консерватизма, либерализма, марксизма и национализма.

В XX в. мы стали свидетелями их системного кризиса либо полного краха, а проект Просвещения с его недостижимым идеалом в научной литературе всё чаще именуется не иначе как «эпохой Слепления». Главная идея, объединяющая организаторов проекта Просвещения – это мысль о бесконечном, интеллектуальном и социальном совершенствовании человека, основным критерием и движущей силой которого выступает разум.

Однако, по мнению некоторых исследователей, «вера в прогресс человечества, идущего к все более высокому, совершенному

состоянию, к раю на земле, к «свету» и тому подобное, – одно из самых вредных заблуждений, унаследованных от XIX века» [2, 120].

В рамках традиции Просвещения сложились и существуют в неизменном виде до сих пор познавательные, организационные, институциональные структуры естественных и социальных наук и образования, целью которых, при всех отличиях, было освобождение человека и создание такой единой цивилизации, из которой будет вытеснена мораль, основанная на обычаях, традициях и религиозной вере. Однако распад прежних моральных форм под воздействием мнимой свободы породил лишь прогресс иллюзий, что обернулось в итоге для человека духовным рабством. «На протяжении последних двухсот лет возрасало господство рынка, производства и бюрократии над индивидами. Следовательно, нет смысла говорить о каком-либо прогрессе. Наоборот, происходила дегенерация европейского общества и культуры» [5, 303].

Анализ генезиса, этапов развития и сущности «экономической идеологии» находит своё основание в истории европейской цивилизации, о чём, несомненно, достаточно эмпирических данных, подтверждающих этот вид идеологии. Экономическая идеология сформировалась большей частью на источниках Просвещения, в которых идея о человеке как рациональном и автономном индивиде согласуется со всеми институциями возникшего буржуазного общества, впоследствии легитимно встроенного в хозяйственный уклад современного капитализма.

Идеологическая концепция «человека экономического» коренится и, вместе с тем, погружена в просвещенческие аспекты традиции. По существу, она выражает принцип, который уже был обозначен в концепции прогресса Просвещения; она заряжена тем же чувством освобождения, что и Просвещение, и теми же социальными чувствами, «провалами» и недостаточностью. Дело в том, что идея прогресса имеет тенденцию обходить стороной проблему социального аспекта экзистенции человека. Именно в этот

период человек был изобретён как объект научного исследования, а последующая специализация “растворила” интегральный принцип как комплекс определённых свойств социального человека. В зависимости от той или иной научной дисциплины, выбор составляющих признаков модели человека определял специфику, характеризующую представление о человеке, о логике его поведения, фиксирующее те его свойства, которые составляют главный интерес для данной дисциплины. В данной статье мы поставили себе цель показать, что выработка специфической модели “человека экономического” лежит в основе обособления отдельных общественных наук и соответствующих им практик от религиозной этики и моральной философии. Причём дискретность экономики носила исторически “наступательный” характер, и это указывает на то, что с приходом фундаментальной парадигмы Просвещения она побуждала её постулировать наличность идеологической функции.

Идеология “человека экономического”, прославляющая экономические и другие утилитарные потребности с его культом полезности, устраняет стремление к общей социальной цели, ибо каждый претендует на то, что его интересы и потребности наиболее верны по той простой причине, что полезны ему. Более того, сформировалась вполне специфическая и совершенно особо субстанциальная, множественная действительность, исключившая из идеологического пространства европейской культуры историю духовных исканий человечества как единого в своем самодвижении. Человек экономический лишён сценария развития будущего и обречён жить в постоянной неудовлетворённости своим настоящим. Его уделом становится бесконечное потребительство, погоня за всё большим комфортом – это подтверждается последними десятилетиями избыточного количества займов.

Английский историк экономики Т. Шанин связывает психоз потребительства с философскими основами западной экономической науки [9, 111]. Однако кризис носит

системный характер, что значит, в том числе, девальвацию этических и правовых норм. Они всё больше теряют свой престиж и ценность, ставя под сомнение свою легитимность. Такое последовательное экономическое измерение общества также несёт в себе значительные последствия. Завершая процесс секуляризации и “развоплощения” мира, характерных для модерна, оно заканчивается “растворением” социального; например, исчезновением народов, потерей их специфических отличительных признаков. В социологическом плане утверждение экономического порядка приводит к социальной стратификации на производителей, собственников и отчуждённые страты. В плане коллективных представлений такой процесс приводит к утверждению на самом почётном месте рыночных ценностей, которые до того во все эпохи воспринимались как самые низкие. Это не случайно, ведь они вызваны низкой жизненной необходимостью. В моральном плане этот процесс реабилитирует дух заинтересованного расчёта и эгоистичного поведения, осуждавшийся во всех традиционных обществах.

Теперь смысл человеческого существования состоит в том, чтобы повышать экономический рост, умножать капитал – и не для целей собственного счастья, а ради самого капитала. При капитализме экономическая деятельность и материальная выгода стали самоцелью. В последние десятилетия буржуазное общество осознаёт в полной мере бесперспективность данного пути развития. Заключительным этапом происходящих процессов стала идея провозглашения самутверждения индивида, его самореализации и самовыражения. Общим представлением считается, что каждый человек обязан совершить какое-то дело в этом мире, которое предназначено ему одному и никому другому. Работа, служба, зарабатывание денег, воспитание детей?! Всё это могут сделать и без нашего участия. Тогда что – то одно, которое должен сделать в этой жизни каждый из нас? – Сознательное и свободное устремление человека к осуществлению своей цели, которая

для него представляет определённую ценность. В капиталистическом обществе это непосредственно связано с достижением успеха. «Человек же охотится за призраком, за иллюзорным счастьем по имени Успех, который каждый раз оставляет его разочарованным, едва ему покажется, что он достиг, наконец, чего хотел» [8, 218].

Жизненно-практические установки людей уже не базируются на какой-либо исходной духовной предпосылке, «большой идее», первичном символе и конечной сакральной ценности, которые придавали бы смысл и согласованность стремлениям и действиям людей. Упразднена религиозная традиция, как система детерминации социальной жизнедеятельности индивидов, в которой отсутствует духовное производство; она заменена современным капиталистическим духом «человека экономического», тем духом, который побуждает его проявлять те стремления, развивать те способности, следовать тем принципам, которые способствуют и санкционируют в нём развитие в основном деловых качеств, а сама «природа» предпринимательского духа обрекает его пребывать в состоянии постоянного желания перерасти своё общественное положение. «В стремлении к успеху заключен, следовательно, тот же момент бесконечности, что и в стремлении к наживе: оба дополняют друг друга...» [3].

К уже привычным для современного общества социальным конфликтам, обусловленным разными условиями существования, жизненными шансами и жестокой конкуренцией, добавится ещё один неразрешимый конфликт, возникший уже внутри самой личности, – это неравенство в распределении способностей, дарований и талантов. Человек, не находя ответа в безуспешных поисках виноватого, в итоге восстанет против самой человеческой природы.

Заброшенный и одинокий, потерявший надежду на обретение смысла жизни «человека экономического» рискует остаться в виртуальном, вымышленном, безжизненном мире, в искусственном мире пустых слов и ложных понятий, лишённый привычного

культурного ландшафта, обдуваемый ледящим ветром индивидуализма в болезненном желании выйти из первоначальной социальной и территориальной среды и самостоятельно определять свой жизненный путь и собственный стиль жизни. Эти изменения приводят к исчезновению приверженности традиционному образу жизни, в том числе и к изменениям в представлениях о роли мужчины и женщины и их занятиях. Появляется разнообразие жизненных стилей и эстетических вкусов. Возрастающая социальная и пространственная мобильность людей и сознание того, что они сами являются «архитекторами» своей жизни, исключает выполнение многих социальных обязательств. Как следствие, уменьшается склонность выполнять обязательства не только по отношению к себе и местным обществам, но и к системе государственного социального обеспечения.

Индивидуализацию специалисты склонны рассматривать как результат экономического процветания послевоенного времени в США и Западной Европе, роста уровня жизни, распространения высшего образования. За это время доля низших классов уменьшилась и образовался новый средний класс, занятый квалифицированным и хорошо оплачиваемым трудом в сфере услуг. Одновременно с ростом благосостояния нового класса индивидуализация стилей жизни стала отражать растущую роль денег в обществе как средства, формирующего социальные отношения и индивидуальные устремления. Современный индивидуализм разрушил органические отношения близости, которые, прежде всего, были отношениями солидарности и взаимопомощи, и привёл к уничтожению всех традиционных форм социальной защиты [1]. Сдвиги и в сознании, и в образе жизни были последствиями демонтажа европейских народов, который и составлял общество, и на согласии которого держалась легитимность западной культуры. Люди стали объектами рациональных монологических исследований, наступило окончание объективирования человека. Разрушение «дегуманизированного гуманизма», отказ от модели

«человека», превращения человека в монологический поверхностный объект.

Все измерения «я» и «мы» были сведены к простому «это», атомистическому или целостному, в зависимости от ваших убеждений, оно обладало только критерием функциональной пригодности. Применение подобной функциональности субъекту нашли в экономической сфере, которая и провозгласила суверенность в отсутствии монополии на смысл и цели бытия.

С потерей сначала религиозной идентичности, а впоследствии и с размыванием границ этничности высвобождалась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Сегодня социальность трансформировалась в молчаливое большинство, не представляющее собой инстанцию, на которую можно было бы ссылаться, как когда-то на класс или народ. На социальном уровне стабильность общества оборачивается стагнацией, на индивидуальном – незаурядность оборачивается посредственностью. Буржуа, как «человек экономический», не стремится ни к доброму миру, ни к злему, но к удобному. Современный «человек экономический» – это типичный буржуа, снимающий с себя социальную ответственность по выстраиванию активной позиции. Жёсткая фиксация устойчивых социальных стереотипов, с одной стороны, исключает потребность в социальной коммуникации её человеческого наполнения, с другой – снижает её функциональную значимость для общества в целом. В подобном обществе эгоистическая ориентация индивида в условиях конкуренции, культа денег и успеха обрекает его на одиночество, бесчувственность и – как итог – потерю смысла собственного существования. Вытесненный из своего естественного русла, индивид лишился социального наследования в виде традиционных связей и архаической солидарности, в результате чего социальное утратило свои атрибуты и определённость, всё более маргинализируя социальные слои, усиливая в индивиде подавленность и обостряя в нём чувство «обочины». В результате исчезновения духовных ценно-

стей и религиозной энтропии большинство современных людей утратили связную картину мира; изменения в ценностях повлекли за собой трансформацию внутреннего и окружающего мира социальной реальности. Несоответствие социальных реалий символическим обрекло человечество на закономерную радикализацию обновленческих концепций и запрограммировало социальную практику на последующие столетия к острым социальным конфликтам. Стремление формировать общественный порядок оборачивалось обратным – общественными беспорядками, когда идеология и жизненный мир людей стали всё больше и глубже расходиться между собой.

Для того чтобы полнее раскрыть проблему сущности и границ идеологической активности «человека экономического», сравним его с определением, данным известным русским социологом П.А. Сорокиным. Отметим сразу, что с содержательной стороны данного определения мы полностью согласны.

По П.А. Сорокину, манифестация «homo oeconomicus» обусловлена чисто экономическим интересом и утилитарной рациональностью, что приводит к «полному исключению неэкономических религиозных верований и неутилитарных моральных убеждений, антиэгоистического альтруизма и не приносящих дохода художественных ценностей, нерациональных нравов и иррациональных страстей» [7, 162].

По мнению А.С. Панарина, «человек экономический», ориентированный на прибыль, утверждает в правах явно за счёт высших измерений бытия, которые цивилизация всегда тщательно оберегала от профанаций. Последующие нелегитимные и односторонние притязания бизнеса на духовную власть в обществе обосновываются ссылкой на безошибочность рынка как инстанции, отделяющей полезное от бесполезного, компетентное от тривиального. К этому идеалу экономизации приспособляются все жизненные требования и все жизненные формы. Центром рыночной экономики становится сам рынок, то есть про-

цесс образования цен на товары массового спроса, ставок заработной платы, величины процента и их производных – прибылей и убытков. Мы видим, что возникновение и развитие капиталистического духа – стремление к наживе – есть на сегодня общее явление. А.С. Панарин предвидел наступление спекулятивно-ростовщической революции, ставящей в центр экономической жизни не предприятие, а банк, где монополизация экономической власти, с её вездесущими агентами-менеджерами, заявляет о своей претензии на полное и безраздельное господство, и под этим тотальным давлением идеологии экономоцентризма ни один народ, ни одна культура не способны выжить, если в качестве господствующего мотива и императива выступает прибыль [6, 361].

В заключение можно сделать вывод, что, с одной стороны, духовное раскрепощение “замкнуло” человека на самом себе, породив в высшей степени односторонний человеческий тип, который, в конце концов, подверг равновесие человеческих сил серьёзнейшей опасности. С другой стороны, находясь в ситуации тотальной дегуманизации, он “закрывается” в самом себе, и, в отсутствие реального пространства возможностей, homo oeconomicus принимает за самостоятельный центр духовной деятельности свой ограниченный земными реалиями субъективный опыт. Это порождает весьма эфемерные

идейные образования без глубины и каких-либо трансцендентных измерений, которые посредством принудительной динамики глобальных процессов провоцируют на непредсказуемый сценарий системы объяснения мира с неясным исходом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенуа Л. Pro and Contra Liberalism. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=875> (дата обращения: 15.02.2011).
  2. Бохеньский Ю. Сто суеверий. М.: Прогресс, 1993. – 187 с.
  3. Зомбарт В. Буржуа. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookz.ru/authors/zombart-verner/zombartv01.html> (дата обращения: 23.09.2010).
  4. Келлер Ян. Модернизация – гуманизация общества или коррозия бытия? (критические заметки о теории модернизации). [Электронный ресурс]. URL: http://d.theupload.info/down/tv36vn9nrlmnjbjrk4ccfkin3tzip7h9q/keller_jan_modernizacija_-_gumanizacija_obshhestva_ili_korroz.txt (дата обращения: 20.10.2010).
  5. Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. – 480 с.
  6. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: АЛГОРИТМ-КНИГА, 2002. 416 с.
  7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
  8. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1982. 430 с.
  9. Шанин Т. Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 109-118.
-